

ОЖИДАНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЗНЕННЫХ ОЖИДАНИЙ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ*

М. А. Головчин

В статье приводятся результаты социологических измерений динамики социокультурных ценностей молодежи, которые касаются отношения ее к жизни и будущим перспективам. Выводы исследования базируются на данных двух опросов, проведенных в Вологодской области в 2012 и 2015 гг. Автором представлен анализ изменений, происходящих в сфере жизненных ожиданий молодых людей (которые во многом имеют негативную направленность). Выявлены факторы, оказывающие первостепенное влияние на развитие этого феномена. Представлены социальные характеристики молодых вологжан, имеющих разные ожидания в отношении своего будущего. Также предложены некоторые пути нивелирования отрицательных последствий «социального пессимизма» в молодежной среде.

Ключевые слова: молодежь, социальные ожидания, жизненные ценности, ретритизм, атомизм.

Исследование выполнено за счет гранта Российского гуманитарного научного фонда (проект №15-22-01013, «Профессиональное призвание: человеческий потенциал инновационного развития России и Беларуси»).

Молодежь – это особая социально-демографическая группа, «характеризующаяся возрастными признаками, социальным положением, местом и функциями в воспроизводстве социальной структуры общества и специфическими интересами и ценностями» [Чупров 2003, 10]. На фоне постоянно меняющихся требований к общественной жизни, радикальных государственных реформ происходит «латентная эрозия норм и образцов поведения молодежи», которая существенно деформирует механизм межпоколенной передачи традиционных ценностей [Аргунова 2008, 242]. Одной из специфических черт этого процесса является то, что трансформация ценностных уста-

Об авторе:
Головчин Максим
Александрович

канд. экон. наук, научный
сотрудник Института
социально-экономического
развития территорий
РАН, Россия, Вологда.

Адрес для переписки: ул.
Горького, 56а, 160014, г.
Вологда, Россия.

E-mail: mag82@mail.ru

Новок в сознании молодежи происходит убыстренными темпами. Если ранее на изменение смысловой интерпретации таких базовых понятий, как «свобода», «справедливость», «труд», «материальный достаток», «жизненный успех», в ментальности молодых уходило десятилетия, то сейчас лишь несколько лет [Шабунова 2013, 5].

В процесс реактивных изменений вовлечены не только ценностные детерминанты молодого поколения, но и жизненные ожидания. Поставленные в жизни цели должны обеспечить, прежде всего, адаптацию молодого человека к внешней среде, личностный рост и уверенность в себе [Старостина 2014, 141-145]. При взаимодействии с трансформирующимися общественными институтами процесс обретения «социальной субъектности молодых (транзиции)» зачастую затрудняется в силу незаконченности модернизационных процессов, слабости регулятивных норм общества [Волокитина 2010, 216-221]. При этом теряется равновесие в системе социокультурных отношений поколений, молодежь испытывает состояние неопределенности, покинутости, стремится самореализовать себя в виртуальной реальности (что выражается в увлечении интернет-ресурсами, социальными сетями) [Хагурова 2014, 7]. Все это в совокупности «вырывает» юношей и девушек из социальной жизни, усиливает роль риска как «определяющей ситуационной характеристики развития личности» [Чупров 2003, 10].

Проблема жизненных ожиданий и жизненных стратегий в научной литературе поднималась неоднократно и на настоящий момент освящена довольно широко. Особенно заметен интерес к ней со стороны представителей психологической и социологической дисциплин. Так, американский психолог К. Хорни выделял три основные стратегии, характерные для образа жизни социальных индивидов:

- «движение к людям» (стремление к любви);
- «движение против людей» (борьба за существование);
- «движение от людей» (потребность в независимости) [Акулич 2011, 34].

В разное время к вопросам ожиданий от жизни обращались А. Адлер, К. Юнг, Т. Кассер, Р. Райн, К. А. Абульханова-Славская, Ю. М. Резник, Ю. А. Зубок, В. И. Чупров, М. Н. Руткевич, В. Т. Лисовский, Ф. Э. Шереги и др.

Заметный интерес исследователи проявляют и к изучению жизненных стратегий молодежи. Так, А. А. Волокитиной были выделены семь признаков, отличающих процесс формирования и реализации жизненных стратегий планов у подрастающего поколения: 1) нелинейность; 2) спонтанность; 3) краткосрочность; 4) динамичность; 5) высокая степень дифференциации и индивидуализации; 6) интуитивность; 7) трансгрессивность (желание активно воздействовать на окружающую реальность) [Волокитина 2010, 216-221].

На основании наличия различных способов достижения успеха А. Д. Галюк выделила три типа представителей современного молодого поколения: «конструктивист», «адаптивист», «конформист» [Ольховский 2014, 53-57].

В то же время при всей представленности данной проблемы в науке недостаточной видится разработанность вопроса о влиянии надежд на бу-

дущее на эмоциональную сферу рассматриваемой возрастной когорты. В данной статье мы попытались установить связь между формированием молодежи жизненных стратегий и их социальным настроением.

Информационной базой нашего исследования явился массовый социологический опрос молодежи Вологодской области, проведенный в два этапа:

- первый этап (2012 г.). На этом этапе были опрошены 2 923 человека (в возрасте 15-29 лет) в городских и сельских поселениях Вологодской области. Выборка квотная по полу и возрасту, ошибка не превышает 3%;
- на втором этапе (2015 г.) в выборку вошли 1 000 человек в аналогичном возрасте.

Жизненные ожидания молодых людей во многом определяет отношение к социальному настоящему [Головчин 2016: 112-122]. Результаты исследования показали, что отличительной особенностью развития общественного сознания современной молодежи является тенденцией к незначительному ухудшению социального самочувствия, что может объясняться негативными процессами, происходящими в экономической и политической сферах страны, и их последствиями. Так, удельный вес тех, кого полностью устраивает текущее положение дел в личной жизни, за период 2012-2015 гг. сократился на 7 подпунктов (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов молодежи на вопрос: «В какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведёте?» (сравнение 2012 и 2015 гг.), в % от числа опрошенных

Вариант ответа	Год		2015 к 2012 гг., +/-
	2012	2015	
Полностью устраивает	15.7	8.4	-7.3
Скорее устраивает	48	56.7	8.7
Скорее не устраивает	20.9	19	-1.9
Полностью не устраивает	4	3.8	-0.2
Затрудняюсь ответить	11.3	12.1	0.8

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «В какой мере Вас устраивает жизнь, которую Вы ведёте?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	Все население*	Молодежь
Полностью устраивает	13.5	8.4
Скорее устраивает	47.1	56.7
Скорее не устраивает	12.7	19
Полностью не устраивает	2.7	3.8
Затрудняюсь ответить	23.9	12.1

* Используются данные социологического исследования «Социокультурный портрет жителей Вологодской области» (2015 г.). Общий объем выборки – 1500 чел. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структурой взрослого населения региона; пропорций между группами населения с различным уровнем образования. Ошибка выборки не превышает 3%.

Несмотря на то, что позитивное отношение к динамично меняющейся окружающей действительности характерно для большей части вологодской молодежи, процент тех, кого жизненные условия полностью устраивают, в молодежной среде несколько меньше, чем в среднем по всему населению области (8% против 14%; табл. 2). Неопределенность в оценке жизненных условий не является чертой молодого поколения. Процент тех, кто затрудняется определить степень удовлетворенности сложившимися условиями быта, среди молодежи меньше, чем среди всего населения области (12% против 24%).

Результаты опроса показали, что социальные настроения молодежи ухудшаются с возрастом. В исследовании рассматриваются три возрастные группы: 1) младшая (16-18 лет) – в основной массе «не приступившие к профессиональной деятельности и находящиеся на ранней стадии социализации»; 2) средняя (19-24 года) – в основной массе «занятые получением профессионального образования»; 3) старшая (25-29 лет) – «включившиеся в профессиональную деятельность» [Леонидова 2015].

Доля негативных оценок в отношении своей жизни среди молодежи младшей группы составляет 12%, средней группы – 40%; старшей группы – уже 48% (табл. 3). Это может быть связано с постепенным переосмыслением жизни, характерной для процесса взросления, вытеснением из сознания «ментальных ценностей материальными приоритетами» [Головчин 2016, 112-122].

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «В какой мере Вас устраивает жизнь, которую Вы ведёте?» по возрастным группам молодежи (в % от числа опрошенной молодежи)

Группы	Устраивает	Не устраивает
Младшая группа (16 - 18 лет)	14.9	12.3
Средняя группа (19 - 24 года)	40.4	39.9
Старшая группа (25 - 29 лет)	44.7	47.8

Доля тех, кого устраивает жизненная ситуация, превалирует в группах занятой (57%) и верующей (60%) молодежи.

Неудовлетворенность жизнью более характерна для мужчин (55%) и жителей сельских районов (47%). Среди них меньше тех, кто активно проявляет себя в политической жизни страны, региона (4%).

Позитивное отношение к жизни у молодежи во многом связано с уровнем материального благосостояния [Головчин 2016, 112-122]. Удельный вес одобрительных оценок среди тех, кто не испытывает финансовых затруднений с покупками, составляет 81%, среди тех, кто может позволить себе траты только на еду и необходимые вещи, – 47%.

На фоне ухудшения оценок текущей ситуации в среде вологодской молодежи растут негативные настроения в отношении будущих перспектив. Так, за период 2012-2015 гг. удельный вес уверенных в завтрашнем дне снизился на 11 п.п. (с 55 до 44%). На 8 п.п. (с 28 до 36%) увеличилась доля «пессимистов» (табл. 4).

За период измерений также сократилась доля молодых людей, которые не питают уверенности в отношении улучшения состояния дел даже в диапазоне ближайшей перспективы (1-2 года): на 9 п.п. (с 11 до 19%; табл. 5). Это свидетельствует о том, что для большинства представителей молодого поколения характерно стремление «жить одним днем», по принципу «все и сейчас» (т. е. стараться добиваться тактического, краткосрочного эффекта в разных сферах жизнедеятельности, не пытаясь запланировать успех на перспективу, и последовательно достигать желаемого серией стратегических шагов) [Головчин 2016, 112-122]. В связи с этим, на представление о будущем откладывает отпечаток состояние текущих дел. Молодежь зачастую не может вырваться из рутины неблагоприятных и нестабильных жизненных обстоятельств и представить себе, что они могут измениться.

Таблица 4. Распределение ответов молодежи на вопрос: «Насколько Вы сегодня уверены в своём будущем?» (сравнение 2012 и 2015 гг.), в % от числа опрошенных

Вариант ответа	Год		2015 к 2012 гг., +/-
	2012	2015	
Вполне уверен(а)	15.8	8	-7.8
Скорее уверен(а), чем нет	39	35.6	-3.4
Скорее не уверен(а), чем уверен	18.6	20.9	2.3
Совершенно не уверен(а)	9.3	15.1	5.8
Затрудняюсь ответить	17.3	20.4	3.1

Таблица 5. Распределение ответов молодежи на вопрос: «Как Вы считаете, через год Вы будете жить лучше или хуже, чем сейчас?» (сравнение 2012 и 2015 гг.), в % от числа опрошенных

Вариант ответа	Год		2015 к 2012, +/-
	2012	2015	
Определенно лучше	16	8	-8
Скорее лучше	39.9	29	-10.9
Скорее хуже	8.7	14.7	6
Определенно хуже	1.9	4.5	2.6
Затрудняюсь ответить	33.5	43.8	10.3

Пессимизм в отношении своих жизненных планов более характерен для молодых людей в возрасте 25-29 лет (51%; табл. 6). Удельный вес неуверенных в завтрашнем дне в младшей возрастной группе (16-18 лет) невелик (12%). Это говорит о том, что по мере взросления вектор жизненных ожиданий все больше отклоняется в сторону «социального пессимизма», на что откладывает отпечаток начало самостоятельной жизни, углубление в «быт».

Нацеленность на жизненный успех у опрошенных также связана с личностными характеристиками: 52% тех, кто уверен в завтрашнем дне, «обладают пробивными чертами характера (страстность, агрессив-

ность)», и лишь 8% из них говорят, что их характеризует безынициативность [Головчин 2016, 112-122].

Меньшая доля (27%) положительных оценок в отношении жизненных планов приходится на безработных (среди работающих – 42%). Менее склонны к уверенности в будущем молодые люди, не имеющие профессионального образования (39%). Среди выпускников вузов процент оптимистических характеристик выше (53%). Это говорит о том, что в сложные для экономики времена молодое поколение оценивает образование как значимый фактор получения высокооплачиваемой работы, улучшения финансового благосостояния и условий быта [Головчин 2016, 112-122].

Таблица 6. Распределение ответов молодежи на вопрос: «Насколько Вы уверены в своём будущем?» по возрастным группам молодежи (в % от числа опрошенной молодежи)

	Уверен	Не уверен
Младшая группа (16-18 лет)	14.4	12.2
Средняя группа (19-24 года)	41.1	37.2
Старшая группа (25-29 лет)	44.5	50.6

В выборе места трудовой деятельности оптимисты в большей степени ориентируются на проявление частной инициативы, пессимисты – на стабильность. Так, первые в большей своей части (31%) работают в акционерных обществах; вторые же отдают предпочтение государственным предприятиям и оборонному сектору (36%). Для пессимистов (особенно их наиболее молодой части) в трудовой жизни крайне важными являются самоутверждение, достойный заработок и получение средств для существования и не играет особой роли творческий характер работы. Оптимисты менее прагматичны: среди их приоритетов выделяется самореализация в профессии (87%) и ощущение пользы для общества (90%) [Головчин 2016, 112-122].

Для молодежи, которая с надеждой смотрит в будущее, характерно более активное участие в общественной жизни. В группе «оптимисты 16-18 лет» частыми участниками различных социальных акций является 5%, в группе «пессимисты 16-18 лет» – 0%. Подобная закономерность характерна и для проявления активности в политической сфере: среди оптимистов в политической жизни задействовано 47%, среди пессимистов – в 1,9 раза меньше (25%) [Головчин 2016, 112-122].

Оптимисты более, чем пессимисты, склонны в понятие гражданства вкладывать личное отношение к месту рождения и проживания. Так, среди первых крайне сильную связь гражданства с государственной принадлежностью определяет 47%, среди вторых – 30% (табл. 7). Это говорит о том, что негативное отношение к будущему создает в молодежной среде риск массового миграционного оттока.

Молодежная среда не является однородной в выражении своих оценок в отношении специфических социальных явлений. Так, если в группе оптимистов меркантильное поведение (стремление поменьше работать, побольше получать, жизнь по принципу «ты – мне, я – тебе», увлечение

материальными ценностями) однозначно не поощряется, то в группе пессимистов положительных оценок больше. Это свидетельствует о том, что пессимизм нацеливает молодежь на сиюминутный успех, достигаемый любыми средствами. Не видя перспектив в будущем, молодые люди пытаются достичь материального достатка в настоящем, зачастую не взирая на моральные аспекты своего поведения [Головчин 2016, 112-122].

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос: «С чем из перечисленного и в какой степени ассоциируется у Вас понятие «гражданство»?» (в % от опрошенных, в баллах от 1 – незначительно до 5 – очень сильно)

Вариант ответа	Среднее по опросу	В том числе:					
		Оптимисты 16-18 лет	Оптимисты 19-24 года	Оптимисты 25-29 лет	Пессимисты 16-18 лет	Пессимисты 19-24 года	Пессимисты 25-29 лет
С принадлежностью к государству	4	4.3	4.2	4.1	4	3.9	3.8
С патриотизмом	3.9	4	4	4.1	3.7	4	3.8
С национальным достоинством	3.9	4	3.9	4	3.7	3.9	3.7
С долгом, с обязанностью	3.8	4	3.8	3.9	3.8	3.8	3.7
С безопасностью, с чувством защищенности	3.7	3.7	3.6	3.9	3.5	3.7	3.5
С конституционными правами	3.7	3.9	3.8	3.9	3.5	3.7	3.4

Употребление наркотиков считается менее приемлемым в группе оптимистов: 92% из них уверены, что данный поступок никогда не может быть оправдан. Среди пессимистов уровень неодобрения наркомании ниже (89%). Это говорит о том, что неуверенность в будущем порождает в молодежной среде стремление к ретретизму (уходу от действительности) [Головчин 2016, 112-122].

В выборе моделей поведения оптимисты стремятся к более демократическим, либеральным образцам; пессимисты – к более агрессивным. Оптимисты в большей степени (77%) готовы до конца выслушать мнение собеседника, не навязывая свою идейную позицию; 83% из них согласны, что в споре может быть более одной верной точки зрения [Головчин 2016, 112-122].

Таким образом, результаты социологического исследования дают возможность рассуждать о жизненных ожиданиях молодежи как категории, неразрывно связанной с экономическим положением, благосостоянием этой социально-демографической группы. Набирающий в годы неблагоприятных экономических обстоятельств обороты социальный пессимизм формирует в молодежной среде крайне прагматическую по умонастроениям когорту, представители которой не видят перспектив в будущем, нацелены на достижение краткосрочных эффектов в жизни, определяют жизненные приоритеты главным образом по принципу их полезности.

Причины этих процессов, однако, имеют не всегда экономическую природу. Так, английский социолог Э. Гидденс, считает, что «циничный пессимизм», распространенный среди тех, кто будущее видит как нечто негативное, является реакцией на несовершенство функционирования механизмов, обеспечивающих «включение» молодежи в окружающую его

среду, интеграцию с социумом, доверие к традиционным общественным институтам [Чупров 2003, 24]. Таким образом, борьба с потенциальными рисками ухудшения жизненных ожиданий молодежи (ретритизм, атомизм и т.д.) должна стать ареалом деятельности не столько органов власти, сколько гражданского общества, семьи. Поэтому именно институты гражданского общества сегодня должны принимать активное участие в обсуждении и разработке документов и стратегических планов, касающихся молодежной политики [Головчин 2016, 112-122].

Список литературы

- 1 Акулич М. М., Пить В. В. Жизненные стратегии современной молодежи // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – №8. – С. 34-43.
- 2 Аргунова А. А. Особенности ценностной ориентации российской молодежи // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2008. – №7. – С. 241-252.
- 3 Волокитина А. А. Жизненные стратегии молодежи в условиях профессионального выбора // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – №4. – С. 216-221.
- 4 Головчин М. А. Молодежь и социальная перспектива: региональный опыт исследования // Проблемы развития территории. – 2016. – №2. – С. 112-122.
- 5 Девиантное поведение в современной России: алкоголь, наркотики, молодежный экстремизм (концепции и исследования) / под ред. Т. А. Хагурова, М. Е. Поздняковой. – М.: Институт социологии РАН, 2014. – 200 с.
- 6 Леонидова Г. В., Головчин М. А. К вопросу о трудовых ценностях молодежи (на материалах Вологодской области) [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – №12 (52). URL: <http://human.snauka.ru/2015/12/13486>.
- 7 Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации / общ. ред. А. А. Шабуновой. – Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2013. – 148 с.
- 8 Ольховский Р. М. Типологические особенности жизненных стратегий российской молодежи // Теория и практика общественного развития. – 2014. – №21. – С. 53-57.
- 9 Старостина С. А. Жизненные стратегии современной молодежи // Наука и современность. – 2014. – №27. – С. 141-145.
- 10 Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. – М.: Наука, 2003. – 161 с.